

Королевская Гавань, 289 г. З.Э.

Висенья Таргариен в шесть лет мечтала стать взрослой женщиной.

Ей не были чужды эти... своеобразные сны, с самого первого, несколько месяцев назад, она видела глубокие и темные сны и каждое утро просыпалась с запахами древесного дыма и зимних роз в носу.

Этот сон был другим.

Среди зимнего воя она увидела старого льва.

Она увидела себя, женщину вместо девушки, черноглазую и вооруженную обнаженной сталью, стоящую перед черной горой, окруженной снегом.

Она увидела огромного зверя с рогами и копытами, рассекшего горизонт на части, когда он бросился на нее.

Она увидела синий огонь и черную траву, увядшую и сгоревшую, тянущуюся к горизонту, пару теней перед солнцем.

Она увидела оленя, потрепанного и побитого, один из его рогов был сломан и исчез, но он все еще сражался вместе со стаей золотых гончих.

Она увидела себя, окруженную семьей, наблюдающую, как тьма поглощает утро. Старый жар бушующего огня превратился в угли.

Найди меня. Мимо бухты разбитых кораблей. Найди меня. Где снег не смеет падать. Найди меня, дочь огня и льда.

Затем раздался рев, от которого забвение сотряслось, и Висенья проснулась.

Среди царских детей Висенья был самым младшим. На год моложе Эйгона и на три года младше Рейнис. Таким образом, она занимала самую маленькую комнату из всех, в самом дальнем уголке королевских покоев. Большой дубовый комод стоял битком набитым сбоку, рядом с ним три шкафа с платьями и мелкой одеждой. Меха волков и ковры, вышитые трехговым драконом из дома Таргариенов, покрывали большую часть пола, а большие окна справа от ее кровати открывались на балкон, на котором она любила сидеть и читать.

«Маленькая» только по королевским меркам, и Висенья спала на кровати, достаточно большой, чтобы шестеро Висеньев могли спать бок о бок и не касаться ни одного края, и это тоже было хорошо, потому что Висенья была не одна.

Черноволосая принцесса слегка пошевелилась, выпрямившись у изголовья, и поняла, что что-то держит ее за руку. Подняв одеяло, я обнаружил, что это Дейенерис обвилась вокруг ее руки.

Конечно. Она знала, что это произойдет, как только ей предложили ночевку. Почему это не мог быть Эйгон? Все, что он делал, это сосал палец.

— Дени, — попыталась Висенья, надеясь разбудить кузину и не разбудить больше никого.
«Дэни!»

Фырканье слева от нее заморозило Висенью в ее попытках высвободить неожиданную хватку Дейенерис. Оглянувшись, она заметила теплые глаза Рейнис, смотрящие на нее с открытым

весельем.

— Э... извини, — пробормотала Висенья. — Я не хотел тебя будить, —

— Сестра, ты разбудила меня задолго до себя, — сказала Рейнис, улыбаясь. «Ты храпишь»,

Висенья ахнула. "Не,"

Рейнис только рассмеялась. «Позвольте себе изъясн, сестра. Каждую ночь сон приходит ко мне последним, Эйгон предпочитает компанию своего большого пальца, Дейенерис, ну... а ты храпишь.

— А Визерис? «Его недостаток в том, что никто не хочет спать с ним в одной комнате».

Эти двое рассмеялись, и вскоре общий звук вырвал Эйгона из дремоты. Он проснулся, продолжая сосать большой палец, окруженный улыбающимися сестрами, едва сдерживающими приступы смеха, и ему потребовалось некоторое время, чтобы понять причину.

— В самом деле, — проворчал он, вытирая слюну со щеки и пытаясь выбраться из постели. Рейнис остановила его, прижав руку к его груди. — Ты ничего не забыл, брат?

Висенья действительно должна была заметить, что что-то не так раньше, так как она поняла только тогда, когда оба ее брата и сестры повернулись к ней с зеркальными улыбками. — Пожалуйста, не... — ПОЗДРАВЛЯЕМ! Висенья была беспомощна, все еще в крепкой хватке Дени, она могла только кричать, когда ее братья и сестры набросились на нее. Дейенерис проснулась, когда Рейнис и Эйгон столкнулись с визжащей брюнеткой и в панике вцепились в одеяло, когда инерция отбросила их всех от дальнего конца кровати.

Когда Джейме Ланнистер ворвался через несколько мгновений, он обнаружил, что четверо из них хихикают в куче скомканной ткани.

«Боже будь добр»,

-

Она думала о сне, пока их провожали завтракать. Потребовалось больше часа, чтобы всех выкупать и одеть, и хотя каждая служанка старалась поздравить Висенью всякий раз, когда у них выпадала такая возможность, она видела раздражение в их глазах.

Визерис присоединился к ним на полпути, в сопровождении бабушки Раэллы справа от него и с книгой под левой рукой, оба поздравили ее, Раэлла тепло обняла и добродушно она преследовала его за это.

Сны становились яснее. Каждую ночь ей казалось, что что-то зовет ее. Голос соленого морского воздуха и холодной решимости. Он манил ее на север, воспевая конец света.

— Поздравляю, ваша светлость, — Барристан Селми соскользнул со своего поста и с грацией Балериона, старого кота Рейнис, шагнул в ногу со своей бабушкой. — Благодарю вас, сир Селми, — она сделала реверанс на полпути, слегка запинаясь при этом.

Рейнис, к счастью, сумела поднять ее, прежде чем она успела устроить сцену. «Осторожно, сестра, сломанный нос отбросит завтрак гораздо больше, чем наш брат может переварить», —

поддразнила она.

«И он прав, будущий король вряд ли сможет защитить королевство, если он не большой и сильный. И сила приходит не от искусной еды, — Следующим в комнату ворвался Оберин, сопровождаемый тремя старшими дочерьми. Висенья задавалась вопросом, оживут ли доспехи, чтобы присоединиться к их процессии, при таком развитии событий.

"Вот она! Щенок дня, — Висенья могла только пищать, когда Оберин проскользнул между Рейэллой и Рейнис и поднял ее в воздух. Висенья засмеялась, когда он подбросил ее в воздух, прежде чем тереться бородой о ее лицо.

Так было не всегда, Оберину потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к ней, но, в отличие от большинства, ее дядя не был настолько заиклен на своих предрассудках, чтобы быть неспособным измениться.

Все началось с того, что Висенья спросила Оберина, смогут ли его дочери когда-нибудь поиграть, и как только они полюбили принцессу, красная гадюка поспешила за ней.

«Хайме, Джейме, на меня напали!» Висенья умоляла свою охрану, не в силах увернуться от нападения Оберина. Однако предатель ничего не сделал, и она была вынуждена терпеть, пока, наконец, Оберин не устал от пыток и вместо этого не посадил ее себе на плечо.

Висенья нравилось находиться вот так высоко. Она подумала, что это должно быть то, что чувствовал сир Грегор, она видела этого человека, может быть, один или два раза оба раза на турнирах, но каждый раз он оставлял впечатление.

Они свернули за угол, Висенья схватила Оберина за волосы, когда принц Мартеллов сделал вид, что покачивается в такт движениям. Джейме протянула руку, а Барристан и бабушка оглянулись с выражением раздражения и нежности соответственно.

Висенья нравилось быть на высоте. Это позволило ей увидеть свою семью такой, какая она есть. Рейнис, Эйгон и Дейенерис о чем-то шепчутся, все время смеясь. Визерис стойкий, резкий, острый на язык, но никогда не жестокий. Он впереди, она может видеть, как он изо всех сил старается не отставать от Раэллы, и в то же время она может видеть, как он улыбается, когда разговаривает с ней, улыбается так, как он, кажется, редко улыбается.

Огонь и кровь. Слова ее дома, слова драконов. Тем не менее, несмотря на их знаменитое пламя, никто, кажется, не останавливается на любимой части старых историй Висеньи.

Харренхолл, даже будучи руинами, возвышался над большинством замков. Орлиное гнездо было построено в горах, но только Таргариены когда-либо касались облаков. Может быть, именно поэтому Королевская посадка была такой формы. Однажды Джейме сказал — в удивительном приступе самоанализа, — что Столица, если подойти к ней с севера, похожа на огромную руку, сжимающую небо.

Висенья мечтает о драконах, смерти и запредельном холоде. Но она также мечтает заглянуть в облака, и Висенья раскинула руки, не обращая внимания на с любопытством смотрящего на нее Оберина, и на мгновение она больше не Висенья Таргариен, принцесса, разрушившая королевство. Она настоящая Висенья. Королева воинов верхом на Вхагаре, и на мгновение она летит.

Висенья посмотрела в коридор, все еще наполовину погруженная в свои мечты, и встретила глазами с отцом.

Внезапно ей больше не захотелось быть наверху.

«Вот она», — сказала Элия Мартелл, женщина, которая была для Висеньи такой же матерью, как и та, которую она никогда не знала. Она стащила ее с дядино плеча в теплые объятия. — Итак, что ты будешь делать на свои именины? спросила она.

Висенья пожала плечами.

«Это не проблема, у нас есть целый день, чтобы понять это»,

— Поздравляю с именинами, милая, — не засмеялась Висенья, когда отец поднял ее на руки. «Я желаю тебе еще сто»,

«Что толку в этом», — серьезно спросила Висенья в ответ, и все рассмеялись.

Кроме Рейгара.

Рейегар какое-то время смотрел на нее так, как знала только Висенья. Как будто он оплакивал девушку в своих объятиях, вместо того, чтобы радоваться, как все остальные. Так было всегда, в тихие затишья, которые сопровождали каждый разговор с отцом. Взгляды, высокопарные слова, неловкость, которой никогда не было, когда он обращал внимание на Эйгона или Рейнис.

Он любил ее, он знал, что она любила, но ради нее самой или женщины, которую он потерял, это был совершенно другой вопрос, на который Висенья все еще пыталась ответить.

— Да, ваша милость, позвольте мне первой поздравить вас, — улыбнулась Висенья, когда Тирион Ланнистер вперевалку направился к ним. Он мог быть мальчиком шести и десяти лет, но они все еще были одного роста.

«Спасибо, лорд Тирион, хотя вы и не первый», — пошутила она.

— Мне жаль это слышать, моя леди. Надеюсь, это компенсирует мое опоздание, — Висенья не знал, куда он ухитрился спрятать это, но подарил ей толстый том в переплете из черной кожи с золотой гравировкой. «Против неестественного», — прочитала она.

— Первое издание, — прихорашивался Тирион. «Написано самим мейстером Вэньоном, как мне сказали», — он встал рядом с ней, пока Висенья изо всех сил пыталась открыть массивную книгу, держась одной рукой за корешок фолианта, а другой указывая ей на пасть огромного зверя, написанного пером. черными чернилами».

— Балерион, — прошептала Висенья, благоговение пронизывало все ее кости. Даже сейчас, спустя сотни лет после его создания, красные чернила глаз Балериона горели, как двойное пламя, на пожелтевших страницах.

— Да ладно, ты можешь поговорить о драконах позже, — вмешалась Раэлла, бросив на младшего Ланнистера ласково-раздраженный взгляд и осторожно забрав книгу из рук Висеньи. «Многие ждут, чтобы подарить тебе подарки на именины, я боюсь, что у нас не останется дня, чтобы отпраздновать, если ты потратишь так много времени на все из них»,

В конце концов, Раэлла была права. Все великие дома прислали подарки на ее именины, как они сделали с Визерис и Дейенерис, Эйгон и Рейнис. Драгоценности из Штормовых земель, шелка из Дорна. Черногривая кобыла из Речных земель и краснокрылый ястреб из Предела.

Личным подарком Тириона стала единственная книга в настоящей библиотеке, привезенной из Западных земель. Железные острова ничего не прислали.

Однако самый большой сюрприз пришел с севера.

В течение шести лет в королевской семье Висенья была единственной получательницей подарков от своего дяди, Эддарда Старка, человека, о котором говорили в равной мере с гордостью и пренебрежением в голосах в Красном Замке. Казалось, этот год не станет исключением.

Прекрасное кожаное седло и тома в переплете из воловьей кожи с чистыми страницами. Дюжина волчьих шкур всех цветов и платьев синего, красного и оранжевого цветов. Там были гребни из китового уса и ожерелья из бледного серебра, и даже подарок, который ее отец припрятал прежде, чем она успела разглядеть, что это было. Но это не имело значения, потому что последним в большой зал вкатили розовый куст, и на его стеблях расцвели голубые зимние розы.

Раэлла вышла в холл, чтобы сорвать единственный цветок, а Элия вплела один ей в волосы, и когда она посмотрела на отца, его глаза были влажными, а его улыбка была такой искренней, какой она никогда раньше не видела, и Висенья почувствовала, что любил.

Через две недели она обнаружит, что всему хорошему приходит конец.

--

Прошло две недели после шестого именин Висеньи, когда послание ворвалось в комнату, где королевская семья проводила день. Висенья вздрогнула, уронив деревянного дракона, с которым она, Эйгон и Дейенерис играли, и спрятавшись за спину старшей сестры.

Рейнис не обратила на нее никакого внимания, хотя Визерис усмехнулся, самодовольно улыбаясь ей из-за края своей книги.

Улыбка сошла с его лица, когда Рейегар приказал посланнику прочесть новость вслух.

Барроутаун пал, как и площадь Торрена, Север подвергся нападению, Бейлон Грейджой начал вторжение.

Рейегар выбежал наружу, Элия следовал за ним по пятам. Раэлла и трое из Королевской гвардии остались с королевскими детьми. Мгновенно все взгляды были устремлены на Висенью, которая почувствовала необходимость свернуться в клубок от внезапного внимания.

— Сир Артур, сир Барристан, оставайтесь с детьми... Джейме, со мной, — голос Раэллы был подобен грому среди ясного неба. Все взгляды были устремлены на нее, четыре набора фиолетовых и один синий Старка. Раэлла одним элегантным движением вскочила со своего кресла и пересекла комнату, остановившись только для того, чтобы безмолвно протянуть руку Висенье, которая взяла ее, следуя за бабушкой из комнаты.

Тогда Висенья не поняла слов, которые ей прошептала Раэлла. Но со временем она это сделает. Со временем она поймет мягкую грусть в глазах своей бабушки, которая преследовала ее по Красному замку.

То, что она поняла, было подарком ее бабушки. Сначала она передала его Хайме, который предложил ей.

Это был клинок из кованой стали, обтянутый кожей и увенчанный изображением рычащего волка с сапфирово-синими глазами.

«Подарок», — сказала бабушка. «От твоего дяди», — поняла Висенья, и ее кровь завывала, когда она посмотрела на Джейме.

— Научи меня, — сказала она.

— Это будет честью для меня, — ответил он.

Норвос

Семь адов жарко. Подумал Роберт Баратеон, проскользнув в переулок, чтобы уделить себе еще немного времени под палящим солнцем. Если Лианна должна была быть наградой, то Норвос наверняка был наказанием.

По главным улицам ходил только приглушенный шепот и патрули с золотыми щитами. Даже большие колокола не осмеливались звонить. Так было уже несколько дней, и хотя атмосфера угрожала задушить всю надежду, оставшуюся в его душе, он не мог уйти.

— Ебанные конюхи, — проворчал он, скользя вниз по стене из песчаника, пока его задница не коснулась земли. Конечно. _ Конечно, черт возьми. Поскольку удача отвернулась от него, а боги, казалось, чертовски ненавидят его, ему посчастливится ускользнуть, только чтобы наткнуться прямо на город, осаждаемый примерно тридцатью тысячами дотракийских крикунов.

Богам было недостаточно отказать ему в крови. Чтобы отрицать Проклятие Драконов, его молота, вкуса мозгов Рейгара на его черной стальной шкуре было недостаточно того, что Серебряное дерьмо нанесло удар, который все еще болел, когда он неправильно двигал рукой. Нет, похоже, даже сейчас боги довольствовались тем, что нагадили ему на ужин.

Шесть лет. Шесть гребаных лет он бегал по Эссосу, пытаясь опередить убийц Рейгара. Шесть лет страданий и пота. Он расстегнул шаль перед лицом и сделал большой глоток из бурдюка. Вино. — с тоской подумал он. — Я бы сейчас трахнул Фрея за дорнийского рыжего, — фыркнул он, заливаясь рычащим смехом, который не слышал никто, кроме странных птиц, сидевших на крышах Норвоса.

Крепкий напиток был смертью в пустыне. Куртизанка из Браавоса сказала ему той ночью, что ему пришлось улизнуть, засунув штаны на полпути в задницу. И хотя вода казалась ему тепловатой мочой, ему нужно было жить, нужно было остаться в живых.

Станнис отморозил себе яйца за свою лояльность, Ренли — прославленный заложник при дворе Грифона. К счастью, Эддард Старк увез Мию в целости и сохранности по пути на север. Дом Баратеонов был мертв во всем, кроме имени, и это была его вина.

И теперь он собирался умереть за тысячу миль от Вестероса, от мечты, которая умерла вместе с его возлюбленной Лианной, которая погибла в красных песках Дорна, породив в мире еще одно драконье отродье.

В мире было мало людей, которых он так ненавидел, как Рейгара. Эйрис был одним из них за то, что он сделал с семьей Неда, но золотой отродье Тайвина пристал к безумному королю, как свинья.

Висенья был другим. Рейегар мог украсть ее, но Висенья убила Лианну. Существо, укравшее лицо его возлюбленной и живое скакавшее по Красному замку. В то время как Лианна была всего лишь костью в каком-то холодном подземелье в Винтерфелле.

— Боги жестоки, — прошептал он. Прикончив бурдюк с водой, прежде чем подняться. Он позаботился о том, чтобы прикрыться, когда снова вышел на улицу. Бороды были запрещены никому, кроме мастеров и бородатых жрецов, а Роберт не осмелился рискнуть с Длинным топором.

Затем раздался гул, громкий и звенящий, он просочился в его мозг и сотряс кости. Это был Нум? Нарра? Ниэль? Кто дал дерьмо. Роберта не заботили названия вещей, используемых для измерения времени... его заботило, что это значит.

"ОСТАВАТЬСЯ В СТОРОНЕ,"

Роберту пришлось убираться с дороги, когда группа мужчин из «Золотой компании» хлынула на улицы, словно прилив. "Привет!" — крикнул он им вслед. — Что за чертовщина здесь происходит?

Компания не обращала на него внимания, кроме одного солдата. голубоглазый придурок с детским лицом, который смотрел на него из-под шлема, как крыса, выглядывающая из щели в крыше.

«Кхал Бхарбо прорвался в город. Дотракийцы обескровили Норвоса. — Какого хрена они вообще нападают? Разве Магистры недостаточно быстро встали на колени? — фыркнул мужчина. Хорошо, по крайней мере, у него есть чувство юмора. Ему это тоже понадобится, бедняге. Он был похож на Джейме Ланнистера, оказавшегося не в том конце давки.

— Хуже, — сказал парень. «Очевидно, один из Магистров зацепился своей мантией в волосах Кхала Бхарбо и, пытаясь сбросить ее, вырвал один из колокольчиков, вплетенных в его волосы», — Роберт побледнел. «...Да, это сработает», — Боже, как же он устал от гребаных Беллов.

— Вы Роберт Баратеон, узурпатор, не так ли? Глаза Роберта мгновенно сузились, он увидел, как мальчик потянулся за лезвием, и повернул молот. Предупреждение, единственное предупреждение, которое получит мальчик. — Кто спрашивает? «Ашер Форрестер из дома Форрестеров».

Ах. Роберт подумал. Он думал, что узнал северную нотку в голосе парня. Это заставило его подумать о Неде. Ему стало грустно. — Откуда ты знаешь?

Ашер взглянул на молоток в своей руке.

Ах. Справедливо.

— Что северянин делает в чертовом Норвосе? — спросил Роберт и впервые в жизни почувствовал, что сказал что-то не то. Как Ашер увял у него на глазах.

Ашер, спасибо парню. Не позволил этому проскользнуть в его голосе и просто пожал плечами. «Влюбился не в ту женщину, я полагаю»,

Роберт почувствовал укол сочувствия к этому человеку. — Нет такой вещи, как влюбиться не в ту женщину, парень. Доверься мне в этом,"

Ашер улыбнулся, грустная, кривая улыбка. Он протянул руку, Роберт сжал ее. «Я был бы дураком, если бы не сделал этого»,

В тот момент Роберт решил, что доживет до сегодняшнего дня. «Тогда давайте убьем несколько крикунов», — он поднял Драконьего Погибели, его огромный молот сегодня напьется до дна.

Он услышал звон и стук копыт, а затем увидел дюжину конюхов, несущихся на них двоих. Плетеные и звенящие, со сталью в руках и смертью в глазах.

Роберт сорвал с лица шаль, смеясь при этом. Ашер сбоку смотрел на него как на сумасшедшего. Но Роберта это не волновало, он чувствовал, как горит его кровь, как бешено колотится сердце. Он вздохнул, и воздух пах зимними розами и потом.

Этот. Роберт подумал. Вот что значит жить.

«Железо изо льда!» — взревел Ашер, колотя щитом. Ревёт, как медведь в теле детёныша. Первый крикун пошел за ним, приняв брошенный вызов, и получил за свои неприятности лезвие под дых.

Лошадь не останавливалась, проносясь мимо них, и вопящие дотракийские кишки окрасили улицы Норвоса в красный цвет.

— Хороший удар, парень! он смеялся. «Крепкие слова!» второй всадник передумал атаковать защищенного рыцаря и вместо этого пошел на Роберта.

Арах поймал его прямо под глазом, восходящий взмах разорвал плоть, поцарапал кости и вырвал волосы с головы. Роберт лишь рассмеялся, развернулся на каблуках, поднял Драконьего Погибели и опустил его.

«Нам ярость!» — взревел он, когда спина лошади сломалась.

<http://tl.rulate.ru/book/84662/2711560>